

# **«ОКО. ОРОЧОНСКАЯ ПОВЕСТЬ» В. ХЛЕБНИКОВА В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ**

В статье на примере анализа прозаического творения Хлебникова «Око. Ороchonская повесть» в контексте нравственно-этических и религиозно-философских представлений писателя рассматриваются особенности художественного преломления библейского сюжета и фольклора малых народов Дальнего Востока.

Хлебников, мифопоэтика, жанр, орочи, любовь, библейский сюжет.

The paper considers the features of transforming the Biblical story and the folklore of the small peoples of the Far East on the example of the analysis of Khlebnikov's prosaic work entitled «Eye. Oroch Story» in the context of moral and ethical, religious and philosophical ideas of the writer.

Khlebnikov, mythopoetics, genre, oroches, love, Biblical story.

Оригинальное прозаическое творение «Око. Ороchonская повесть», сюжет которого основан на мифе дальневосточного племени орочей, написано поэтом Велимиром Хлебниковым в 1912 г., впервые опубликовано через десять лет после смерти писателя. Проза поэта-футуриста долгое время оставалась за пределами внимания истолкователей.

К проблеме использования ороchonской мифологии в структуре произведений В. Хлебникова обращался американский исследователь Х. Баран в статье «Хлебников и мифология орочей» [1]. Увлечение мифологией амурского племени началось после знакомства Хлебникова с книгой В.П. Маргаритова «Об орочах императорской гавани» (1888). Это было первое научное описание материальной и культурной жизни этой народности, своеобразный физиологический очерк. П.И. Тартаковский развивает тему «Хлебников и мифология орочей» и выявляет новые проблемы, связанные не столько с точностью воспроизведения мотивов и деталей космогонических мифов ороchonов, сколько с их трансформацией, творческим развитием их символики для утверждения хлебниковской западно-восточной концепции [4].

Предметом анализа П.И. Тартаковского избрал сверхповесть Хлебникова «Дети Выдры» (1911 – 1913), которую он считает составной частью эпического триптиха, в состав которого входят (поэмы «Медлум и Лейли», «Дети Выдры» и «Хаджи Тархан»), «Око. Ороchonскую повесть» исследователь не подвергает анализу, лишь упоминает о ней наряду с другими произведениями Хлебникова, в которых присутствуют мифы ороchon – стихотворения «Пламена» и 1-й парус «Детей Выдры». Добавим, что ороchonский миф встречается также в поэме Хлебникова «Песнь мне» (1910).

Е.Г. Солнцева в диссертационной работе «Дохристианские цивилизации в русской литературе первой трети XX века», обратив внимание на то, что образность древних мифов играет структурообразующую

роль в текстах Хлебникова, отмечает, что история земного существования Детей Выдры служит ретроспективным фоном сюжета прозы Хлебникова «Око: Ороchonская повесть» [3].

Цель настоящей статьи – рассмотрение творческой трансформации ороchonских мифов в уникальном образце малой прозы поэта – «Око. Ороchonской повести», анализ образной поэтики, роль символики в создании образной системы произведения, осмысление связи структурообразующего мифа ороchon о кровосмешении с библейским сюжетом об искушении Адама Евой и своеобразного видения Хлебниковым этого сюжета, религиозно-философского представления писателя о роли мужчины и женщины в истории человечества.

В статье «О расширении пределов русской словесности» (1913) Хлебников обличает русскую литературу в «узости очертаний и пределов» [10, с. 66]. Перечисляя области, которых она совсем не касалась, он заметил: «...из отдельных мест ею воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром, с его древними преданиями о прошлом людей (орочоны)» [10, с. 66]. Эту же тему он развивал в статье 1919 г. «Свояси», которая является своеобразным комментарием к некоторым произведениям поэта: «Сказание орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях» [7, с. 7].

Безусловно, обращение к мифам орочей обусловлено евразийскими идеями Хлебникова, его стремлением к созданию одного общематерикового сознания. Используя в своих произведениях языческую мифологию не только атлантов, греков, славян, но и скифов, орочей, египтян, древних персов, как верно подмечено Е.Г. Солнцевой, поэт более других мыслителей своего времени создает полифонический образ человечества [3].

Мифологию ороchonов, отраженную в творениях Хлебникова, следует воспринимать, по замечанию П.И. Тартаковского, как «бесконечную временную

нить, протянувшуюся через духовный мир малой народности сквозь все эпохи» [4, с. 223]. Задача художника – выразить связанные с этой мифологией «всевременные» и общечеловеческие идеи.

«Око. Ороchonская повесть» – жанровое обозначение условно, скорее указывает на то, что жанр вообрал в себя устное предание, миф. В основе сюжета лежит миф о кровосмешении. Ороchonский фольклор содержит информацию о возможном или действительном сожителстве между младшим братом и сестрой. Ороchonский инцест, по мнению филолога-североведа Е.П. Лебедевой, можно рассматривать как пережиток такой формы кровнородственной семьи, в которой мужьями были младшие братья разных степеней родства, а женами их сестры [6].

Само название рассказа «Око» (в переводе с ороchonского – женская грудь), у читателя незнакомого с уже исчезнувшим ороchonским языком, вызывает иные ассоциации. Око, как аллегорический символ Всевидящего Бога: «Вот, Око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его» (Пс. 32:18). Кстати сказать, в рассказе «Жители гор» (1913) также присутствует чей-то незримый глаз, наблюдающий за жизнью людей: «<...> по всему этому бродили светлые взоры ока» [9, с. 115]. Мотив Божественного присутствия, пристального Наблюдателя возводит выбранный Хлебниковым ороchonский миф о кровосмешении к библейскому сюжету о грехопадении, об искушении Адама Евой. Не случайно брат уподобляет сестру, которая добивается от него любовного признания, змее, говоря о том, что он ужален ее словами «в самое сердце» [9, с. 94]. Страстные признания девушки, жаждущей ответной любви брата, он сравнивает с замыслом не менее зловещего паука, который «прядет какие-то сети» [9, с. 94].

Притчевое начало оттеняется ситуацией фатального одиночества двух кровно близких людей в обозримом пространстве, что отчасти соответствует жизни малых народов Дальнего Востока: «Опять ты ушел, гордый и легкий, в лес, а я здесь сижу день одна-одинешенька. Ах, мне чутется, что где-то живут много людей, а не как мы одни вдвоем, брат и сестра. О, какое счастье жить, где много чужих людей, а не брат и сестра!» [9, с. 93].

Эмоциональное звучание повести обусловлено экспрессивно выраженными острыми переживаниями молодой девушки, созревшей для любви. Понимая невозможность счастья в ситуации, когда любовь воспринимается братом как недоступная, запретная, преступная, что свидетельствует об известном переосмыслении юношей извечных традиций, героиня повести стонет: «Бедная я, бедная я, несчастная! Ах! когда вечером я сижу у огня, какие движения струятся по моему телу. Так осиновый лес дрожит от приближающегося ветра. Как я умела бы плясать! Все ветры осенние и весенние сгибали и наклоняли бы мое тело» [9, с. 94].

Известная трансформация происходит и в сознании девушки. Охваченная мучительными мечтаниями, она допускает близость с другими братьями, не родными по крови: «О, если б здесь было много братьев чужих и не родных, какое то было бы сча-

стье! Я бы припала с поцелуями к каждому праху их ног! Я бы дрожала, как береза от удара, от их взгляда» [9, с. 93].

Этот важный в личностном росте сдвиг в сознании героини реально обусловлен фактом безысходности, отсутствия выбора в положении девушки. В ее мольбе о любви, обращенной к родному брату, крик отчаяния, а не соблазнительные уговоры: «Разве я не красива? Разве я не прелестна? Зачем ты на меня не взглянул другими глазами, как будто т<игр> тебе брат? Смотри, смотри, что скрывают одежды? Поверь этим грудям, которые просят словами более звонкими, чем крик несчастья или восхищения. Вот!» [9, с. 94]. Данный фрагмент является кульминацией произведения. Не случайно поэт акцентирует внимание на женской груди – традиционном символе плодородия.

Казалось бы, Хлебников балансирует на неуловимой грани между прекрасным, возвышенным и пошлым, низким. Но художник акцентирует внимание не на человеческой слабости, доминанте телесного, ему важно донести до читателя естественность голоса живой жизни. В этом проявляется его гуманистический пафос, важная составная его натурфилософии, которая вступает в известное противоречие с библейским сюжетом.

Поэт тем самым, как бы указывает на то, что первые люди обречены были на грех в ситуации безысходного одиночества. Претерпев страдание, страх и боль, они стали продолжателями человеческого рода. Видимо, данный вопрос волновал Хлебникова, тем более, что такое явление как кровосмешение продолжало существовать у малых народов, о чем свидетельствует дошедший до нас фольклор. В такой образной интерпретации библейского сюжета поэт явно сочувствует первой женщине и не находит оправдания такому промыслу Творца.

В библейском повествовании первый инцест на земле был совершен детьми перволудей Адама и Евы. Их кровосмесительный союз был вынужденным и потому признан священным, а не преступным. В «Ороchonской повести» оба героя чувствуют преступность кровосмешения, брат остерегает сестру, предрекает гибель. Поэт противопоставляет мужское и женское начало. Брату присущи качества, которые будут проявляться в мужской половине человечества. Автор по отношению к нему использует следующие эпитеты: гордый, смелый, легкий, таинственный. А по отношению к женщине – умная и хитрая.

Сестра, обиженная отказом брата, уверена в том, что соблазнит его. Она решается на этот шаг, от мучительных мечтаний она переходит к действию. Девушка в отчаянии бросается на поиски счастья, которое грезится ей в воплощении плотской любви. Для этого ей нужно создать укрытие, она убеждена, что сама должна срубить шалаш. Желание укрыться, спрятаться опять же возвращает нас к библейскому сюжету. С другой стороны, стремление создать жилище – это естественное желание, свойственное женщине, хранительнице очага. В момент стреми-

тельного бега, полная решимости, речь сестры становится похожа на заклинание.

Известно, что языческой религией орочей был шаманизм. Поэт прибегает к фольклорной стилизации: сестра не с мольбой обращается к силам природы, а приказывает ей: «О, ручей, я иду к счастью. О, белки, я иду к счастью! Не задевайте о мои ноги, травки, не замедляйте счастья. Дойду ли я так? Нет, нужно бежать до той поляны, где я поставлю жилье. Не шуми, вода, так громко, я иду к счастью! Заплетайтесь в мои ноги, цветы! Нежьте и услаждайте слух, птицы! О, если бы медведь помог мне! О, если бы рысь принесла ветки! Нет, сама я должна срубить шалаш, где буду сидеть одна, смеясь» [9, с. 95]. Анафорически организованные фразы, риторические вопросы и восклицания, инверсии, обильно наполняющие речь героини, с одной стороны, придают этому монологу особую выразительность, обнажают пафос неодолимого стремления девушки к счастью, к желанной гармонии с миром природы, с другой, — служат ярким образцом прозы поэта.

Девушка сама, без посторонней помощи, справляется с поставленной задачей. Тем самым автор еще раз подчеркивает, что человек властен над природой, он повелевает ей. Гармоничное сосуществование человека-охотника, человека-повелителя и природы соответствует натурфилософской концепции Хлебникова, его представлениям о мировой гармонии.

В «Орочонской повести» встречается еще один миф амурского племени — космогонический миф о трех солнцах: «Он все поет о каких-то двух солнцах, убитых предком. Будто они упали в море и погасли, а третье осталось, и всем стало легче жить» [9, с. 94]. Действительно, этот миф наиболее известен в Приамурье и Приморье: сначала было три солнца — три сестры, и на Земле от их жара кипели даже камни. Хадау (культурный герой орочей) убил два солнца — старшую и младшую из сестер, и на земле стало можно жить [5].

Данный миф находит своеобразное отражение в «Орочонской повести» В. Хлебникова. Девушка размышляет над песней брата о трех солнцах: «Разве могут быть три солнца? Но все-таки сказочно прекрасное зрелище того, как гибнет каменное солнце от легкого стрелка. Как шипело море! Сколько брызглетело во все стороны! Как брошенные головки, гасли в воде громадные солнца. Это было вот так (берет из костра головню и привешивает к березе, висящей над рекой; стреляет из лука, и головня падает в воду)» [9, с. 94 — 95]. Далее автор использует параллелизм, который создает прекрасные поэтические образы: «Но может ли солнце быть ночью? Почему не может: ведь голубые глаза любящего — это солнце днем, а влюбленные глаза черного цвета — солнце ночью. Может!» [9, с. 95].

Во фрагменте поэмы «Песнь мне» (1910) также встречается орочонский миф о брате и сестре:

Пусть произойдет кровосмешение!  
Братья, полюбимте <сестер> друг друга.  
Судьбы железное решение  
Прочесть я смог в часы досуга  
Так молодой когда-то орочон

Любил коварную сестру  
И после проклял, научен,  
Ушел к близмечному костру [8, с. 39].

По всей видимости, сюжет мифа, который использует Велимир Хлебников, имеет трагическую развязку. В «Око» последние слова сестры, омывающей тело в ожидании встречи с братом: «Расстанемся надолго» [9, с. 95]. Автор не объясняет, почему произойдет это расставание. Читателю остается догадываться о судьбе героев, будет ли это продолжение человеческого рода, что предполагает библейский сюжет... или проклятие братом соблазнительницы-сестры, и его уход к «близмечному пути», то есть смерть. Во всяком случае, в жизни героев наступает новая фаза, новая стадия жизни, что соответствует жанровому признаку повести.

Орочонская мифопоэтика тесно связана с проблематикой хлебниковского творчества, в своих творениях он отобразил орочонские мифы; формы шаманизма; орочонский инцест, донесший воспоминания о кровно-родственной семье в ее форме; тотемические воззрения. При этом на ярком примере прозы поэта «Око. Орочонской повести» можно смело сказать, что выбранные мифы переплетаются с библейским ветхозаветным сюжетом, что еще раз подтверждает, что поэт таким способом создает «полифонический образ человечества», он выявляет всевременные, всечеловеческие идеи, ищет ответы на вечные вопросы. Поэтому его проза остается актуальной и на сегодняшний день.

#### Литература

1. Баран, Х. Хлебников и мифология орочей / Х. Баран // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. — М., 1993. — С. 15 — 21.
2. Роуз, С. Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. Христианское православное ведение / Серафим Роуз. — М., 2004.
3. Солнцева, Е.Г. Дохристианские цивилизации в русской литературе первой трети XX века (В. Хлебников, Д. Мережковский, О. Мандельштам): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Солнцева. — М., 2006. — URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/dohristianskie-civilizacii-v-russkoj-literature-pervoj-treti-xx-veka.html> (дата обращения: 11.09.2013)
4. Тартаковский, П.И. Западно-восточная концепция Велимира Хлебникова в его эпическом триптихе (поэмы «Медлум и Лейли», «Дети Выдры» и «Харджи-Тархан») / П.И. Тартаковский // Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия Хлебникова в 1900 — 1910-е годы. — Ташкент, 1987. — С. 211 — 250.
5. Орочи / Арктическая энциклопедия. — URL: <http://arcticportal.ru/index.php/%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%A7%D0%98> (дата обращения: 11.09.2013)
6. Орочские сказки и мифы / сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. — Новосибирск, 1966.
7. Хлебников, В. Собрание сочинений: в 6 т. / Велимир Хлебников. — М., 2002. — Т. 1.
8. Хлебников, В. Собрание сочинений: в 6 т. / Велимир Хлебников. — М., 2002. — Т. 3.
9. Хлебников, В. Собрание сочинений: в 6 т. / Велимир Хлебников. — М., 2002. — Т. 5.
10. Хлебников, В. Собрание сочинений: в 6 т. / Велимир Хлебников. — М., 2002. — Т. 6.